DEBRECENI EGYETEM FOLIA URALICA DEBRECENIENSIA 22.
FINNUGOR NYELVTUDOMÁNYI TANSZÉK DEBRECEN, 2015

Смешение структур в личных окончаниях притяжательного склонения мокша-мордовских диалектов[1]

Ласло КЕРЕСТЕШ

Университет Дебрецен
keresztes.laszlo@ arts.unideb.hu

1. Самая противоречивая черта эрзя- и мокша-мордовской морфологии проявляется **в грамматических окончаниях** личного притяжательного склонения (номинатив, генитив-аккузатив и датив). Различие состоит в том, что вместо древних окончаний личного притяжательного склонения в мокшанском появляются совершенно другие, новые морфемы. В данной работе мне хотелось бы представить главным образом их происхождение. Мордовская система личных окончаний притяжательного склонения может быть представлена следующим образом:

	мокшанский		**эрзянский**	
Ном.	одно обладаемое	много обладаемое	одно обладаемое	много обладаемое
Px1Sg	*-źə*	*-ńə*	*-m*	*-n/-ń*
Px2Sg	*-ćə*	*-ťńə*	*-t/-ť*	*= (-nt)*
Px3Sg	*-c*	*-nzə*	*-zo/-ze*	*-nzo/-nze*
Px1Pl	*-ńkə*	=	*-nok/-ńek (-mok/-mek)*	=
Px2Pl	*-ńťə*	=	*-nk*	=
Px3Pl	*-snə/-cnə*	=	*-st (-sk)*	=

(Варианты, данные в скобках встречаются лишь

[1] Главные идеи настоящей статьи были опубликованы и на венгерском языке под заголовком: *A moksa-mordvin birtokos személyragozás átalakulása* [Преобразование мокша-мордовских притяжательных личных местоимений]. In: Inaba, Nobufumi – Luutonen, Jorma – Hamari, Arja – Ahola, Elina (ред.), Juuret marin murteissa, latvus yltää Uraliin. Juhlakirja Sirkka Saarisen 60-vuotispäiväksi. MSFOu 270 [2014]: 141–149.

ограниченно, в некоторых диалектах.)

У нас нет никаких причины не предполагать существование пропорциональной финно-угорской либо волжско-финнской притяжательной системы обозначений. Об этом свидетельствуют финские, мордовские и саамские парадигмы. На основе этого из сегодняшних форм могут быть реконструированы и древнемордовские личные притяжательные окончания.

Члены притяжательной парадигмы, с одной стороны, обозначали число и лицо обладателя, с другой стороны выражали количество обладаемого. На лицо обладателя указывают местоименные морфемы (**m, *t, *s*), множественное число лиц выражает добавляющийся к местоимениям элемент множественного числа **k* (**mVk, *tVk, *sVk*), а количество обладаемого обозначает маркер множественного числа **-n*, который опережает личное окончание.

1.1. Система эрзянского – как и финского языка – создалась в процессе смешения форм. Имеются отчетливые следы происхождения ее одного сегмента от личных местоимений (парадигма единственного числа и множественного числа 3. лица). В нескольких лицах можно обнаружить и указывающий на множественность обладаемого элемент *n*. В единственном числе 1-ого и 3-его лица осталась функция множественности, в 1-ом и 3-ем лице множественного числа следы также ведут в этом направлении, но эти формы уже совокупно обозначают как единственное, так и множественное число обладаемого. Сибилянт, находящийся в окончании множественного числа 3-го лица исторически тот же, что и в окончании единственного лица, но в нем нет обозначения множественности обладаемого, несмотря на это морфема также выражает и множественность.

В диалектах в единственном числе 2-го лица был и *-nt*, но его функция выражать множественность обладаемого уже тускнет, во множественном числе 1-го лица также были зарегистрированыs формы *-mok, -mek* (ср. Paasonen 1909: 04–05; Евсевьев 1934/1963: 109). На основе этих данных можно предположить следующую систему: a) **-m, *-t, *-sV, *-mVk, *-tVk, *-sVk* (одно обладаемое), b) **-n-m, *-n-t, *-n-sA, *-n-mVk, *-n-tVk, *-n-sVk* (несколько обладаемых). (Ср. Евсевьев 1934/1963; Бубрих 1953; Серебренников 1967; R. Bartens 1999.) На основе мордовских примеров можно предположить во множественном числе 3-го лица форму со множественным числом *-t (*-sAt)*. Онако по-моему в мордов-

ском Е/М *-st* могло возникнуть в результате такого же развития звука, которое произошло и в императиве: **maksə-k* > **maks-k* > Э/М *maks-t* ’дай!’ Причем в эрзянских диалектах наблюдается и *-sk*.

1.2. В мокшанской системе, смотря основные падежи (номинатив, генитив, аккузатив), едва распознаваемы древние элементы, такие как указывающий на обладаемое 3-го лица *(-nzə* < **-nsV),* нельзя также исключать древнее происхождение 1-го и 2-го лица множественного числа *(-ńkə* < **-n-mVk, -ńťə* < **-n-tVk).* Фонетически в морфемах 3-го лица можно обнаружить еще местоимения *(-c, -snə/-cnə* < **-s-).* Остальные окончания же являются результатом инновационного процесса. В образовании этих личных местоимений большую роль играли указательные местоимения, а также смешение с формами определенного склонения имен.

Рассмотрим по одному личные окончания притяжательного склонения в мокшанском! Парадигма более или менее подробно представлена в описательных грамматиках. (Ср. напр. Paasonen 1909: 04–05; Евсевьев 1934/1963: 330–334; Грамматика 1962: 90–96; Грамматика 1980: 182–209; MdChr 1990: 57–60, 196–197; МК 2000: 58–63.) О происхождении морфем подробно писали Хейкки Паасонен (Paasonen 1903: 120–123), Д. В. Бубрих (1953: 202) и Б. А. Серебренников (1967: 50–66), но «нерегулярным» личным окончаниям мокшанского посвящены лишь ориентировочные объяснения. (Ср. также R. Bartens 1999: 100–105.)

Рассмотрим сперва элементы, указывающие на **одно обладаемое**:

Ед. ч. 1-го л. [Sg1] *-źə* ’мой’. Согласно Бубриху это мокшанское новшество **-m* + *śä* (Px1Sg + DetPron) (ср. 1953: 202). Серебренников соглашается с аргументацией Бубриха, так как у Паасонена есть также диалектная форма *-ńźä*, назальный элемент которой может быть личным окончанием единственного числа первого лица (Paasonen 1903: 64; 1909: 04; Серебренников 1967: 55). Это дает логическое объяснение, и если это произошло так, то назальный элемент выпадает *(*-n-źə* > *-źə),* как и в генитиве-аккузативе определенного склонения: **moda-ń-ťə* > Э *moda-ńť,* М *moda-ť* ’эту землю, этой земли...’

Ед. ч. 2-го лица [Sg2] *-ćə* ’твой’. Это тоже новшество. Согласно Бубриху **t* + *śä* (Px2Sg + DetPron) (ср. 1953: 202). Серебренников соглашается с этим (1967: 55), как и мы.

Ед. ч. 3-го лица [Sg3] *-c* ’его’. Является результатом вторичного развития. У Паасонена нет других идей предположительно происхождения

стыка согласных, лишь *-*t* + *sV* (?DetPron + Px3Sg), и что в ряде ’его’ детерминирующий элемент предупреждает личное притяжательное окончание (1903: 122). У Серебренникова нет выраженной точки зрения на этот счет (1967). Нам этот процесс представляется по-другому. По нашему мнению -*c* < -*s,* то есть *-*n* + *s* (Gen + Px3Sg), который оригинально функционировал как генитив-аккузатив. В мокшанских морфемах с *s*-ом после назальных реализуется звук *c* (ср. *on* ’сон’ : *on-sə* > *on-cə* [инессив]*, on-s : on-c* [иллатив]). Эта форма *(-n-c)* изначально могла быть генитивом, который сохранил эту функцию до сегодняшних дней. На это указывает, среди прочего и тот факт, что в мокшанском эта форма (единственного числа 3-го лица) единственная, в которой падежное окончание, которое стоит не после, а перед личными притяжательными окончаниями! Между прочим, африкация в такой позиции есть и в эрзянских диалектах: -*nzV* > -*ndzV* (ср. напр. Keresztes 1987: 143–144).

Мн. ч. 1-го лица [Pl1] -*ńkə* ’наш; наши’. Эта морфема может быть результатом позднего развития древнего местоимения: *-*mVk* ~ *-*n-mVk* > -*ńkə*. Указывающая на множественность обладаемого форма устоялась и до сегодняшних дней указывает на единственность и множественность обладаемого. Редуцированный звук в конце окончаний мог появиться там по аналогии с единственным числом первого лица. (Серебренников 1967: 65). – В диалектах наблюдаются также формы -*ńəkə* ’наши’ и *ńəśk* ’наши’ (Евсевьев 1934/1963: 331). Встречается -*śk* и в определенном спряжении глаголов (Keresztes 1999: 196; МК 2000: 139); может отсюда оно распространилось в личных притяжательных местоимениях.

Мн. ч. 2-го лица [Pl2] -*ńťə* ’твой; твои’. Паасонен определяет этот элемент *ń* – схоже с 3-им лицом – как детерминативную морфему, к которой присоединилось окончание множественного числа второго лица (Paasonen 1903: 122). В любом случае эта форма лучше отражает древнемордовскую реконструкцию: *-*n-tVk* > -*ńťə,* но тут элемент *k* в конце окончания исчез (Серебренников 1967: 57). Окончания множественного числа могут указывать единственное число и на множественность обладаемого. По-моему это ясно из-за *n*, находящемся в нем. – Диал. -*ńəśťə,* -*ńďəśť* ’твои’ / -*ńťə,* -*ńťťə* ’твои’ (Bartens 1999: 103; в других источниках такого различия не наблюдается, напр. Евсевьев 1934/1963: 331). -*śť* встречается и в определенном спряжении глаголов (Keresztes 1999: 196; МК 2000: 139); может в этих же диалектах распространялся и на притяжательное склонение, где и во втором лице встречались формы с окончанием -*śk*.

Мн. ч. 3-го лица [Pl3] *-snə/-cnə* ’их + множ. обладаемого’. Префикс, вероятно восходит к местоимению 3-го лица. Возникают трудности однако с объяснением элемента *-na* (Серебренников 1967: 57). По-моему речь о метатезе, таким образом, нельзя отделить от личного притяжательного местоимения 3-го лица (?< **-n-sVk*). Множественное число 2-го и 3-го лица также может указывать на единственность или множественность обладаемого. – Диал. *-snən,* изначально генитив, который распространился и на номинатив (Bartens 1999: 103–104).

Парадигма, указывающая на **множественность обладаемого** неполная, имеет формы только единственного числа. Парадигма включает следующие окончания:

Ед. ч. 1-го лица [Sg1] *-ńə* ’мои’. По Паасонену это сложное окончание **-n + ńä* (Px1Sg + DetPron), то есть **ava-ń-ńä* (1903: 122) (ср. еще Бубрих 1953: 282). Это принимается и Серебренниковым (1967: 55). Серебренников предполагает тут следующие ступени развития: *or* ’платье’ 1) *or-ə-m : or-ə-nm* > 2) – *: or-ə-nn* > 3) *or-ə-źä : or-ńä* ’мое платье : мои платья’. По-моему это слишком спекулятивное объяснение. Если окончание первоначально было сложным *(*-n-ńä),* то произошло просто сокращение.

Ед. ч. 2-го лица [Sg2] *-ťńə* ’твои’. Это тоже сложная морфема. Согласно Бубриху **-t + ńä* (Px2Pl + DetPron) (1953: 282; также и Серебренников 1967: 56). По-моему, вероятность того, что *t* происходит от местоимения мала. Это окончание совершенно совпадает с множественным номинативом определенного склонения существительных, ведь и чередование основы ведет себя так же: *jalga-ť-ńä* ’друзья, твои друзья’ – *or-ť-ńä* [oR-ńä] ’платья, твои платья’, в литературном языке: *ялгатне – орхне* (ср. Keresztes 2013: 131–133).

Ед. ч. 3-го лица [Sg3] *-nzə* ’их’. Это единственное такое личное окончание, которое с одной стороны, объясняется без проблем, с другой стороны совпадает с эрзянским, первоначально < **-n + sV* (Pl + Px3Sg) (Серебренников 1967: 57). – Диал. *-nzən* оригинально генитив, который позже переходит в номинатив (Bartens 1999: 103–104).

Формы мн. ч. 1-го, 2-го и 3-го лица [Pl1,2,3] совпадают с указывающими на одно обладаемое, располагают также и значением множественности. Формы, содержащие изначальный указатель множества обладаемого, *n,* таким образом, распространились в обоих значениях: *jalga-ńkə* ’наш друг; наши друзья’, *jalga-ńťə* ’ваш друг; ваши друзья’, *jalga-snə* ’их друг; их друзья’ и т.д.

2. Вопросы происхождения. Паасонен – согласно представлениям периода – стремиться создавать такие реконструкты, в которых каждой отдельной функции соответствует отдельная морфема (следовательно: сколько элементов, столько и функций), напр. *avańkä* << **ava-ńV-nV-mVk* (Paasonen 1903: 122). На основе этого и других примеров однозначно проявляется нецелесообразность этого метода, ведь большинство словоформ могло приобрести определенные функции наложением значения, адаптацией. Предположение Паасонена, Бубриха, Серебренникова и Бартенса кажется правильным, т.е. что появление определенного и притяжательного склонения следовали одно за другим, и в появлении обоих склонений ведущую роль играли указательные местоимения (Bartens 1999: 104). В мокшанском личном притяжательном склонении помимо древних элементов играют роль указательные местоимения: *-źə, -ťə, -ńə,* также, как в определенном склонении имен *(-ś, -ť, -ńə).* Маловероятно, что уже в древнемордовский период можно предполагать наличие совершенно правильной парадигмы. По-моему к преобразованию личного притяжательного склонения надо подходить функционально, рассматривая его в связи с другими именными парадигмами, выявляя те формы, из-за омонимии которых могла измениться система.

2.1. Сходства. Мы исходим из общих черт мордовских диалектных групп. Косвенные падежи, выражающие определения места, развивались схожим образом: Сх + Рх, напр. (инессив) *vaľma-sə-**n**, **-t**, **-nzə**, **-nk**, **-nt**, **-st*** ’в моем окне, в моих окнах; в твоем окне, в твоих окнах’ и т.д. Из этих форм тем, для кого этот язык является родным, явно, какие из этих элементов указывают на лицо обладателя. В эрзянском эта система сохранилась и в номинативе. (В генитиве – напр. схоже с финским – чаще всего, за исключением единств. числ. 3-го лица совпадали с номинативом, а синтетические дативные формы отсутствовали; ср. напр. MdChr 1990: 196; ЭК 2000: 95–96.)

2.2. Отличия. Мокшанские номинативные и генитивные (и дативные) формы отличались от вышеизложенной системы. Однако в новшествах чаще всего можно найти те элементы, благодаря которым на заднем плане или подсознательно говорящие связывают с соответствующим лицом, значит **-m > -n, *-t, *-s > -z* (Px1,2,3Sg) и т.д. Принимая это во внимание, новшества, в конечном счете, не преподносят больших сюрпризов.

2.2.1. Труднее всего объяснить падежное окончание единственного числа 1-го лица *-źə* хотя, как наблюдалось нами выше, тут тоже появилась возможность того, что предпосылкой для этой морфемы мог быть элемент **-n-śä*. В единственном числе 2-го лица произошла такая же коррекция: *-ćə* < **-t-śä.* Возникает вопрос, почему надо было добавлять к древним падежным окончаниям детерминанты? По-моему, ответ надо искать в системе, в стремлении избежать омонимии. Для самоедского характерно, но для финно-угорских языков нетипично явление предикативного склонения имен, которое, по-моему, является результатом аналогичного развития в мордовском (ср. Keresztes 2003: 239–241; 2011: 89–90). В мокшанском **ava-n* ’моя женщина ~ я женщина’, **ava-t* ’твоя женщина ~ ты женщина’, **alʼa-n* ’мой мужчина ~ я мужчина’, **alʼa-t* ’твой мужчина ~ ты мужчина’. Для исключения этой двойственности представлялось две возможности:

1) В мокшанском к личным притяжательным местоимениям был добавлен детерминант: **ava-n-śä* > *ava-ń-źə* > *ava-źə* ’моя женщина’, **ava-t-śä* > *ava-ćə* ’твоя женщина’ – *ava-n* ’я женщина’, *ava-t* ’ты женщина’. – После того, как в определенном именном склонении образовались артикульные окончания *(jalga-ś* ’друг + тот = опр. арт. друг’; *jalga-ťʼ-ńä,* ’друзья + те = опр. арт. друзья’. Также были добавлены детерминанты к личным притяжательным окончаниям *(*jalga-n + śä >> jalga-źə* ’мой друг + тот = опр. арт. мой друг’, *jalgat + śä* > *jalga-ćə* ’твой друг + тот = опр. арт. твой друг’ и т.д.). Предполагая в единственном числе 1-го лица морфему с началом как у личного местоимения *(*-m-śä* > *-ń-źə,* вернее **-n-ńä* > *-ń-ńə* > *-ńə),* мы должны объяснить причины упрощения таких морфем. По нашему мнению в обоих случаях объяснение можно найти в сравнении со вторым лицом, ведь в формах 2-го лица распознается сложное личное окончание на первом месте, в котором мы видим указывающий на 2-е лицо местоименный элемент *(*-t-śä* > *-ćə,* вернее **-t-ńä* > *-ťńə),* таким образом становиться лишним указывать на единственное число 1-го лица и этот элемент выпал, вернее посредством сокращения появилась новая морфема. – В личных притяжательных окончаниях 3-го лица можно обнаружить местоименные предпосылки: (Px3Sg) *-c,* (Px3Sg множественность обладаемого) *-nzə,* (Px3Pl) *-snə* < **-sV.*

2) В эрзянском предикативные формы отличаются использованием интервокального *j: ava-n* ’моя женщина’, *ava-t* ’твоя женщина’ – *ava-jan* ’я женщина’, *ava-jat* ’ты женщина’. По-моему, вероятно этим можно объяснить инновационные формы древних личных притяжательных па-

дежных окончаний. В 3-ем лице лучше сохранилось оригинальное падежное окончание, так как оно не совпадало с предикативными формами: *son ava* ’она женщина’ – *ava-c* ’его женщина’.

Во всех личных окончаниях, указывающих на множественность обладаемого, наблюдается древний элемент *-n*, указывающий на множественность обладаемого. Это встречается и в морфемах множественного числа, указывающих на 1-е и 2-е лицо. Поэтому в мокшанском (схоже с эрзянским) не образовалось отдельных форм для выражения различия между обладаемыми единственного и множественного числа, то есть *vaľmäńkə* ’наше окно; наши окна’, *vaľmäńťə* ’ваше окно; ваши окна’ и т.д. Это же наблюдается и в эрзянском: *vaľmanok, vaľmant.*

В мокшанском, в 3-м лице, имеется достаточно странная пара: *vaľmanzə* ’его окна’ – *vaľmasnə* ’их окно; их окна’. Форма *vaľmanzə* полностью правильна *(< *-nsV),* тогда как в другой, вероятнее всего, произошла метатеза **-nsV > -snə.* Я не считаю вероятным происхождение этой морфемы при помощи добавления указательного местоимения: *-s-nä* (Px3Sg + DetPron). Если это было бы так, то по своему составу она полностью отличалась бы от остальных конструкций. Эта связь согласных в любом случае более нова, так как находящаяся в падежном окончании инессива **-snA* эта группа согласных ассимилировалась гораздо раньше, затем упростилась, произошло изменение: **-ss- > -s-* (ср. напр. Keresztes 1987: 99, 101; R. Bartens 1999: 104).

2.2.2. Так как и детерминативные морфемы, и личные притяжательные падежные окончания выражают определенность имени, кажется естественным факт смешения этих форм в языке. Во многих случаях падежные окончания двух склонений совпадают или схожи друг с другом. Таково, например, падежное окончание 2-го лица единственного числа, указывающее на множественность обладаемого. Его альтернанты полностью совпадают с номинативом множественного числа детерминативного склонения. В основах с согласным происходят те же изменения, что и во множественном числе детерминатива (ср. Keresztes 2013: 131–133)! Следовательно эта форма с личным окончанием притяжательного склонения совпадает со множественным числом номинатива детерминативного склонения. Сравнив со схожей группой морфем мы получаем следующую картину:

NomPl (определенное)	*jalga-ťńə* ’друзья’ *ялгатне*		*kal-ťńə* ’рыбы’ *калхне*		*meš-ťńə* ’пчелы’ *мешне*	
Px2Sg (множественность обладаемого)	*jalga-ťńə* ’твои друзья’ *ялгатне*		*kal-ťńə* ’твои рыбы’ *калхне*		*meš-ťńə* ’твои пчелы’ *мешне*	
Px1Sg (множественность обладаемого)		*jalga-ńə* ’мои друзья’ *ялгане*		*kal-əńə* ’мои рыбы’ *калоне*		*meš-ə-ńə* ’мои пчелы’ *мешене*

Видно, что в основах с согласным звуком указывающая на несколько предметов форма единственного числа 1-го лица длиннее лишь на один редуцированный гласный! К этому можно добавить и словоформы с деминутивными суффиксами, которые дальше увеличивают количество омонимичных форм: *jalga-ńä* ’маленький брат’, *kal-ńä* ’рыбка’, *meš-ńä* ’пчелка’ | *ялга-ня, кал-ня, меш-ня.*

Падежное окончание Px2Sg, указывающее на несколько предметов – как мы видели выше – естественно можно анализировать и другим образом, *-t* указывает на 2-е лицо обладателя, а на множественность обладаемого – указательное местоимение множественного числа, то есть Px2Sg + DetPron. Вероятнее всего говорящие на мокшанском языке так и считают. После таких предпосылок не представляется вероятным появление ассимиляции по звонкости (оглушение) в определенных основах, оканчивающихся на согласный. В единственном числе 2-го лица это не замечается: *kal-ćə* ’твоя рыба’, но *kaltńə* [kaLńə], лит. *калхне* ’твои рыбы’.

3. Генитивные формы мокшанского возникают из основных форм, посредством добавления к личным притяжательным падежным окончаниям окончание *-ń*: *jalga* ’друг’ – *jalga-źəń, -ćəń, -nc!, -ńkəń, -ńťəń, -snən* (одно обладаемое: ’моему другу, твоему другу, твоего друга ...’); *jalga-ńəń, -ťńəń, -nzən* (множественность обладаемого: ’моим друзьям, твоим друзьям, твоих друзей ...’). Единственное исключение – 3-е лицо, в котором падежное окончание генитива – по видимости – находится перед личным падежным окончанием *(-n-c!)*. Все остальные – совершенно новые формы, таким образом, на основе этого, по-моему, мордовский даже частично не может быть отнесен к языкам типа Px+Cx. – В эрзянском генитив-аккузатив обычно совпадает с номинативом. Исключением является 3-е лицо, окончание которого *-nzo/-nze*.

4. Окончание **датива** изначально было послелогом (*-d'i, -t'i, -di, -ti* 'к чему'), в котором, схоже с определенным спряжением, послелог обычно основывался на генитиве: *jalga* 'друг' – *jalga-źəń-d'i, -ćəń-d'i, -nc-ti, -ńkəń-d'i, -ńt'əń-d'i, -snən-di* (одно обладаемое: 'моему другу, твоему другу, его другу и т.д.'); *jalga-ńəń-d'i, -t'ńəń-d'i, -nzən-di* (множественность обладаемого: 'моим друзьям, твоим друзьям, их друзьям'). К единственному числу 1-го и 2-го лица может добавиться окончание *(-t'i)* и к номинативу тоже: *jalgaź-t'i, jalgać-t'i* 'моему другу, твоему другу'! В эрзянском они не имеют эквивалентов.

В мокшанском формы генитива и датива 1-го и 2-го лица *(-źəńd'i, -ćəńd'i)* могут восприниматься как соответствующие формы указательного местоимения с морфемами, следовательно: *moda-źəńd'i* 'моя земля + той = моей земле', *moda-ćəńd'i* 'твоя земля + той = твоей земле'.

5. Дальнейшие аналитические формы. В диалектах имеются и аналитические формы, которые, схоже с дативом, основываются на генитиве. Их используют для выражения множественности обладаемого: *ćorasə-n* 'в моем сыне; в твоем сыне' – (диал.) *ćorańəń esə* 'в моих сыновьях', *ćorasə-t* 'в твоем сыне; в твоих сыновьях' – (диал.) *ćorat'ńəń esə* 'в твоих сыновьях' (Bartens 1999: 105). Эти диалектные формы, таким образом, очень похожи на определенное склонение системы обстоятельства места. Это также доказывает связь притяжательного и детерминативного склонения имен! Так как и детерминативные морфемы и личные притяжательные окончания выражают определенность имени, поэтому кажется неудивительным, что язык смешивает их, так нередко совпадают или похожи окончания двух склонений.

6. Итоги. Судя по всему, личное притяжательное склонение имеет древнее происхождение. Это подтверждает используемая в косвенных падежах эрзянская и мокшанская парадигма. Самое яркое отличие мокшанской парадигмы проявляется в номинативе и генитиве. Это отличие несомненно является результатом мокшанского нововведения, на основе которого мокшанский даже частично не может быть отнесен к языкам типа Px+Cx. По моему мнению причины изменения надо искать в системе, в стремлении избежать омонимии. Мы рассматриваем преобразование личного притяжательного склонения с точки зрения функционального подхода, в его отношении с другими именными парадигмами, и проанализировали, которые те формы, из-за омонимии которых произошло изменение системы. Одной из причин изменения была воз-

можность исключения омонимии личного притяжательного склонения и предикативного склонения имен. Другой причиной было то, что возникновение притяжательной и определенной парадигмы создавало интерференцию, дальнейшее склонение, происходящее по той же аналогии давало в результате новые формы. Естественной исходной точкой этого был тот факт, что оба склонения выражали и выражают определенность имени. При образовании определенной парадигмы посредством агглютинации указательных местоимений образовались завершающие словоформу конечные аритикли: **moda-śä* ’земля это’ > *moda-ś* ’эта земля’; **moda-t-ńä* ’земли это’ > *moda-ť-ńə* ’эти земли’. Это сохранилось до наших дней в обоих диалектных группах. В мокшанском и притяжательная парадигма развивалась далее по этому образцу; в 1-ом и 2-ом лице единственного числа определенность лица-обладателя редундантно усиливали далее при помощи добавления указательных местоимений: **jalga-m-śä* ’мой друг это’ >> *jalga-źə* ’этот мой друг’; **jalga-n-ńä* ’мои друзья это’ >> *jalga-ńə* ’эти мои друзья’; **jalga-t-śä* ’твой друг это’ >> *jalga-ćə* ’этот твой друг’ и т. д. Единственное число и множественное число 3-го лица сегодняшней притяжательной парадигмы произошло путем дальнейшего нестандартного развития, а в основных падежах множественного числа происходит смешение и выравнивание форм, впоследствии которого древние элементы парадигмы сегодня уже еле опознаваемы.

Литература

Бубрих, Д. В 1953: Историческая грамматика эрзянского языка. Мордовское книжное издательство, Саранск.

Грамматика 1962 = Коляденков, М. Н. (ред.): Грамматика мордовских языков. Часть I. Фонетика и морфология. Мордовское книжное издательство, Саранск.

Грамматика 1980 = Cygankin, Д. В. (ред.) 1980: Грамматика мордовских языков. Мордовский государственный университет, Саранск

Евсевьев, М. Е. 1934/1963: Основы мордовской грамматики. Избранные труды. Том третий. Мордовское книжное издательство, Саранск.

МК 2000 = Алямкин, Н. С. (ред.) 2000: Мокшень кяль. Морфология. Красный Октябрь, Саранск.

Орнатов, П. 1838: Мордовская грамматика, составленнная по наречию мордвы-мокши. Москва.

Серебренников, Б. А. 1967: Историческая морфология мордовских языков. Наука, Москва.
ЭК 2000 = Цыганкин, Д. В. (ред.) 2000: Эрзянь кель. Морфемика, валонь теевема ды морфология. Красный Октябрь, Саранск.

Bartens, Raija 1999: Mordvalaiskielten rakenne ja kehitys. MSFOu 232. Suomalais-Ugrilainen Seura, Helsinki.
Feoktistov, Aleksandr – Saarinen, Sirkka 2005: Mokšamordvan murteet. MSFOu 249. Suomalais-Ugrilainen Seura, Helsinki.
Keresztes László 1987: Geschichte des mordwinischen Konsonantismus I. Studia uralo-altaica 27. Universitas Szegediensis de Attila József nominata, Szeged.
Keresztes László 1990: Chrestomathia Morduinica. Tankönyvkiadó, Budapest. = MdChr.
Keresztes László 1999: Development of Mordvin Definite Conjugation. MSFOu 233. Suomalais-Ugrilainen Seura, Helsinki.
Keresztes László 2011: Bevezetés a mordvin nyelvészetbe. Debrecen University Press, Debrecen.
Keresztes László 2013: Morféma-alternációk a moksa-mordvin határozott és birtokos személyragozásban. Folia Uralica Debreceniensia 20: 99–116.
Maticsák Sándor 2003: Névszói morféma-alternációk az erza-mordvinban. Folia Uralica Debreceniensia 10: 143–164.
MdChr 1990 = Keresztes László 1990.
Paasonen, Heikki 1903: Mordvinische lautlehre. MSFOu 22. Suomalais-Ugrilainen Seura, Helsingfors.
Paasonen, Heikki 1909: Mordwinische chrestomathie mit glossar und grammatikalischem abriss. Suomalais-Ugrilainen Seura, Helsingfors.

*

Mixing of structures in the possessive suffixes of Moksha-Mordvin dialects

The most controversial issue in Erzya- and Moksha-Mordvin morphology is how the grammatical cases (nominative, genitive-accusative, dative) differ in the possessive declension. Apparently, the case endings used in Moksha are completely different and new suffixes, and are not connected to the possessive suffixes of Finno-Ugric origin. This paper aims to show that the suffixes in question developed through a mixing of structures.

LÁSZLÓ KERESZTES